

Personality Psychology Психология личности

DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-2-559-570](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-559-570)
УДК 159.9.072, 159.922.4, 297.17

Original Paper
Оригинальная статья

Шиитские ритуальные практики в теолого-психологическом контексте (на примере ритуала шахсей-вахсей)

Т. Е. Седанкина

Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>, e-mail: tatiana-svetlaya@mail.ru

Резюме: в статье содержится анализ шиитского ритуала самоистязания в психоэмоциональном ключе, определяется сущность ритуала ашура, отношение к нему суннитов, а также показан особый род театрального искусства, возникший на его основе. Приводится психологическая интерпретация ритуала самоистязания и рассматриваются возможные причины иррационального поведения людей, участвующих в нем или наблюдающих это действие. В результате рассмотрения ритуала шахсей-вахсей в теолого-эмоционально-психологическом ключе выявлено, что основанием иррационального поведения как участников, так и свидетелей ритуала является возникновение аффективной (эмоциональной) эмпатии, причины которой также раскрываются. В ходе проведения анализа психологического состояния трех категорий людей: глубоко осознающих смысл ритуальных действий, выполняющих ритуал формально, случайных свидетелей, – зафиксировано проявление двухуровневой эмпатии: 1) эмпатия в том смысле, когда ее объект находится непосредственно перед глазами эмпата, как в случае со свидетелями ритуальной процессии; 2) эмпатия глубинного религиозного мировосприятия, когда объектом эмпатии является объект, находящийся в глубинах религиозного мировосприятия (в случае с непосредственными участниками ритуала).

Ключевые слова: ашура; гиперэмпатия; гипнотический транс; катарсис; консолидация общины; культурная и религиозная идентичность; переживание сопричастности пути мученичества; ритуал самобичевания; ритуальный экстаз; состояние неистовой скорби; шахсей-вахсей

Для цитирования: Седанкина Т. Е. Шиитские ритуальные практики в теолого-психологическом контексте (на примере ритуала шахсей-вахсей). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):559–570. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-559-570.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Schitish ritual practices in the theological-psychological context (on the example of Shah's-Vakh's Ritual)

T. E. Sedankina

Russian Islamic Institute, Kazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>, e-mail: tatiana-svetlaya@mail.ru

Abstract: the article offers an analysis of the Shiite ritual self-torture (Ashura or Shahsey-Wahsey) as seen in a psycho-emotional way. In the first instance, the author offers an analysis of the Ashura ritual itself, the attitude of the Sunnis towards it, as well as a special kind of performance, which grew out of it. The author also gives an interpretation of the ritual of self-torture as a psychological phenomenon and discusses possible reasons for irrational behavior of its participants and spectators. As a result, it was revealed that the basis of the irrational behavior of both the participants and the spectators of the ritual is the emergence of affective (emotional) empathy. It should also be noted that in course of the analysis of the psychological state of three categories of people (those who are deeply aware of the meaning of ritual acts, those who perform the ritual and the spectators) was discovered a manifestation of the two-level empathy, i.e. 1) the empathy in its literal sense, when its object is placed directly in front of the empath as in the case of witnesses of a ritual procession; 2) the empathy of a different kind, which is called here as the “empathy of a deep religious world perception”. This is a kind of empathy when the object of empathy is located in the depths of the world perception from the religious point of view.

Keywords: Ashura; a state of violent grief; catharsis; community consolidation; ecstasy, ritual; hyperempathy; identity, cultural and religious; martyrs, the experience of participation in the path of; self-flagellation, ritual of; Shahsey Wahsey; trance, hypnotic

For citation: Sedankina T. E. Schitish ritual practices in the theological-psychological context (on the example of Shah's-Vakh's Ritual). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):559–570. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-559-570.

Введение

Нами рассмотрены современные исследования, касающиеся шиитского ритуала ашура, называемого нешиитами шахсей-вахсей. Эта тема в *историко-культурном контексте* данной традиции на территории Бухары разрабатывается Е. Капустиной, М. Солоненко, А. Джумаевым, О. А. Сухаревой, изучающей отношение суннитов к ритуалу шахсей-вахсей. Научные труды Г. Н. Сеидовой посвящены шиитским ритуальным практикам как *сценическому искусству*, а работы Д. А. Гусеновой рассматривают этот вопрос в контексте *внедрения драматургии шиитских мистерий в сферу туризма*.

Несмотря на то что все исследователи приводят описание ритуала самобичевания с акцентом на его эмоционально-психологическом накале, но ни в одной из изученных нами работ не анализируется ритуал шахсей-вахсей в *теолого-психологическом контексте*. В связи с этим возникла необходимость

попытаться заполнить данный пробел. Однако прежде чем приступить к рассмотрению ритуала шахсей-вахсей в эмоционально-психологическом ключе, обратимся к анализу сути самого праздника, географии распространения, отношения к нему суннитов, а также к особому роду театрального искусства, возникшего на базе шиитских мистериальных действий.

Материалы и методы

При подготовке статьи нами был просмотрен фильм «Ашура в Дербенте» М. Солоненко и Е. Капустиной (2012), использованы методы анализа, сравнения и сопоставления исследований ритуала в историко-культурном контексте с позиции сценического искусства и драматургии, а также современных психофизиологических исследований, на основе чего приводится теолого-психологическая интерпретация ритуала самоистязания.

Целью исследования является теолого-психологическая интерпретация ритуала самоистязания. Для достижения поставленной цели нами выдвинуты следующие задачи:

- выявить суть праздника и географию его распространения;
- проанализировать отношение суннитов к шиитскому ритуалу самоистязания;
- рассмотреть особый род театрального искусства, возникшего на базе шиитских мистериальных действий;
- дать теолого-психологическую интерпретацию ритуалу самоистязания, определив возможные причины иррационального поведения людей во время участия или наблюдения ритуала ашура.

Суть праздника

По мусульманскому летоисчислению ашура является десятым днем (от араб. – «десятый») первого месяца года, названного мухаррам. Месяц мухаррам считается одним из четырех священных месяцев мусульман, запретных для войн и кровной мести, когда каждый мусульманин стремится провести его в служении Всевышнему, надеясь, что благословение этого месяца коснется и остальных месяцев года.

«Ашура» – особо почитаемый день у всех мусульман, так как согласно сборникам суннитских хадисов [1], в этот день произошло несколько важнейших ветхозаветных событий, упомянутых в работе Д. А. Гусеновой [2, с. 126–139]. К ним относятся: день раскаяния Адама в своем грехе, рождение пророка Ибрагима, достижение суши ковчегом Ноя, развержение моря перед Моисеем, выход Ионы из чрева кита, награждение десяти пророков десятью милостями. По некоторым преданиям, этот день считается также предполагаемой датой Страшного суда. Сунниты в этот день держат добровольный пост в знак благодарности Аллаху.

Для шиитов «трагедия у Кербелы полностью перекрывает вышеописанные праздничные события» [3, с. 105], – отмечаемые суннитами. Ашура считается днем траура, днем поминовения шиитских мучеников¹, прежде всего сына Али, имама Хусейна, являющегося внуком пророка Мухаммада, который был зверски растерзан со своими сторонниками в битве при Кербеле в 680 г. «Согласно мусульманскому летоисчислению, все события, связанные с этой трагедией, произошли в первые 10 дней месяца мухаррам, а гибель Хусейна – в день Ашура» [3, с. 105]. Ашурой принято называть не только сам день мухаррам. Так, по утверждению Е. Капустиной, по свидетельству П. И. Лерха, в XVIII в. «торжество сие продолжалось целый месяц», на протяжении которого непрерывно разыгрывались мистерии и лишь к XX в. оно «стало ограничиваться именно этой декадой» [3, с. 106].

Анализируя значение данного события, А. Джумаев заключает, что «термин имеет широкое и узкое значения» [4, с. 127]. В первом случае – это выполнение определенных траурных обрядов и церемоний. Во втором – траурные обряды, непосредственно связанные с оплакиванием Хусейна и других мучеников Кербелы [4, с. 128]. Нешиитским окружением за этим праздником закрепилось название «шахсей-вахсей», которое часто встречается в литературе и переводится с персидского «шах Хусейн, вах, Хусейн!» («царь Хусейн, ох, Хусейн!») [3, с. 105], особые возгласы, издаваемые шиитскими мусульманами-ортодоксами во время ритуалов самобичевания, которые заключаются в нанесении себе увечий, напоминающих о страданиях, перенесенных имамом Хусейном.

География распространения

Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, ритуал шахсей-вахсей распространен в Иране, Азербайджане, Афганистане, частично в Таджикистане, Пакистане, Турции и в других странах, где проживают мусульмане-шииты [2, с. 126]. В Бухаре празднование шахсей-вахсей проводится в строгом соблюдении определенных последовательных действий, с целью более глубокого прочувствования его участниками трагического события [3, с. 108]. Как пишет О. А. Сухарева, участники «процессии самоистязателей несли гроб с изображением Хусейна, и происходило его публичное оплакивание... В одной стороне – много людей, бьющих себя цепями (занджирзан), в другой стороне – люди, ударяющие себя саблями (шофзан); некоторые ударяли себя в грудь кулаками, а некоторые, плача, тихонько восклицали “О, Хусейн”» [5, с. 160].

В России ритуал шахсей-вахсей проводится в Дербенте, городе, названном Д. Л. Спиваком «подлинным перекрестком цивилизаций» [6, с. 12], в котором, по утверждению Г. Н. Сеидовой, проживает «самая древняя и устойчивая шиитская община» [7, с. 128]. «Основные траурные богослужения месяца мухаррам... проходят в Джума-мечети Дербента, и в кульминационный день Ашура

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 т. и 4 доп. т. М.: Терра; 2001. С. 40.

сюда съезжаются верующие не только Дагестана, но и северного Азербайджана» [7, с. 130]. В 2014 г. в Москве в рамках VI Международного кинофестиваля аудиовизуальной антропологии, являющегося «масштабным научно-образовательным проектом, осуществляющим взаимодействие российских и зарубежных исследователей», состоялся показ фильма известных российских этнографов М. Солоненко и Е. Капустиной «Ашура в Дербенте», который, по мнению В. Васильевой, произвел на зрителей особо яркое впечатление. Авторы фильма поставили перед собой задачу не только показать само религиозное действие, но и продемонстрировать наиболее эффективное средство консолидации общины, «коллективное вспоминание» [8, с. 201], а также выявить отношение жителей Дербента к данному событию. Созданию фильма оказала активное содействие Г. Н. Сеидова, исследующая традиции шиитского ислама в Дербенте.

Отношение суннитов к празднику

Акцентируя внимание на особенностях взаимоотношений шиитов и суннитов, О. А. Сухарева отметила, что в XIX – начале XX в. на церемониях шахсей-вахсей присутствовали также и бухарцы-сунниты, которые сочувственно относились к исполняющим обряды ашура шиитам, не проявляя неприязни к происходящему [5, с. 162]. По мнению А. Джумаева, этот факт объясняется тем, что «сунниты оправдывали (хотя и не одобряли) неистовые скорби, сопровождающиеся самобичеванием шиитов, раскаянием последних», так как бухарцы-сунниты были убеждены в том, что шииты как раз и являлись теми, кто был причастен к убийству Хусейна. Более того, сунниты вместе с шиитами участвовали в траурных обрядах [5, с.162]. Таким образом, исследователь традиции ашура в Бухаре XIX – начала XX в. заключает: «Самое существо шиизма – культ Алия и его сыновей, особенно Хусейна, так же как и шиитский обряд ашури, не были чужды суннитскому населению Средней Азии вообще и бухарцам в особенности» [5, с. 162]. Это подтверждают и исследования А. Джумаева, который подчеркивает, что «среднеазиатскому суннизму ханафитского мазхаба была присуща устойчивая и давняя тенденция интегрирования шиитских духовных ценностей» [4, с. 119].

Театрализованные действия

Г. Н. Сеидова и Д. А. Гусенова проводили исследование по трансформации шиитских мистерий в особый вид восточного театрального искусства, что, с одной стороны, несомненно позволило «сохранить сценическое искусство в рамках шиитского ислама» [9, с. 38], а с другой – сделать из данного события массовое зрелище, «постепенно втягивая его в орбиту событийного туризма», придавая праздникам помимо духовной также и экономическую востребованность. Как отмечают исследователи, в последние годы некоторые мусульманские страны используют энергетику данных праздников с целью привлечения туристов, а не только для удовлетворения мусульманами потребности «полного

погружения» в праздничную атмосферу памятных дней. Однако, как отмечает Д. А. Гусенова, в суннитском исламе, в отличие от шиитского, действует запрет на зрелищные представления, включая сценическое искусство, что явилось одной из причин того, что «этот особый вид театрализованного искусства не получил своего развития» [2, с. 128].

Ритуал самоистязания и его теолого-психологическая интерпретация

На примере ашура мы можем проследить, как в шиитских ритуальных практиках участниками ритуального действия воспроизводится особое состояние сознания – *гиперэмпатия*, которая проявляется в гиперчувствительном эмоциональном сопереживании, полном эмоциональном погружении в чувственный мир мучеников прошлого. Отметим, что достижение подобного состояния экзальтации в шиитском мировоззрении приветствуется, в отличие от мировоззрения суннитского. Подобное различие в отношении к гипертрофированному проявлению эмпатии наблюдается также в католицизме и православии, что подробно анализировалось в нашей предыдущей статье [10, с. 641–642].

Основной целью шиитского ашура является достижение психоэмоционального переживания сопричастности пути мученичества, посредством полного погружения в состояние глубокой скорби и покаяния. Для этого идущие по улицам процессии самоистязателей бичуют себя плетью с железными цепями, ударя саблями, кинжалами по голове, нанося себе побои кулаками в грудь, плача и восклицая «О, Хусейн!», доказывая тем самым свою веру. В ходе самоистязаний происходит «сознательное взвинчивание чувств» [11, с. 245], в результате чего участники ритуала входят в особое трагическое эмоциональное состояние неистовой скорби, оплакивая Хусейна и других шиитских мучеников.

Определенная последовательность ритуальных действий, обладающая значительной воздейственной силой, способствующей постепенному нагнетанию психоэмоционального фона, приводит участников церемонии к эмоциональной кульминации скорби, в результате чего осознающие смысл действия рыдают, проникаясь чувством сострадания к жертвам Кербелы, ощущая на себе их страдания. В этом состоянии первоначальная личность участника ритуала замещается личностью, на которую направлено его чувство эмпатии, и в случае ее аффективного проявления у последователя культа возникает реальное ощущение сопричастности по отношению к значимым фигурам культа, что, по утверждению С. А. Панина и М. А. Пошибайлова, «является одним из важнейших аспектов эмпатии» [11, с. 245]. Что касается не особо ярых приверженцев шиитского вероубеждения, которые обряд самобичевания воспринимают как лишь символическое самоистязание, их он тем не менее также приводит к определенной степени эмпатии, вплоть до ее гипертрофированных проявлений. Отметим, что случайные свидетели церемонии также испытывают повышенное психоэмоциональное состояние, несмотря на то что зачастую могут даже не

знать о смысле и значении данных практик. Как замечает А. Джумаев, традиция ашура обладает «особой силой воздействия» на любого участника, независимо от его вероисповедания посредством «глубинного синтеза слова, музыки, жеста, движений, ритма, драматического действия, подчиненных и объединенных целостной и глубокой духовной этической концепцией» [4, с. 130]. Следовательно, даже свидетели ритуала попадают в особое состояние сопереживания, испытывая эмпатию уже не к историческим персонажам, а к реальным участникам ритуала. Это говорит о том, что эмпатия как инструмент сопереживания предполагает не только рациональное, но и иррациональное понимание другого, проявляющееся в воспроизведении состояния сознания непосредственных участников ритуального действия.

Полученные результаты

В чем же возможная причина иррационального поведения людей во время участия или наблюдения ритуала ашура?

Во-первых, как мы отмечали в своих предыдущих работах, проявление аффективной (эмоциональной) эмпатии есть результат «автоматических, рефлексивных процессов, запускаемых каждый раз, когда человек видит чужие эмоции» [12, с. 6] благодаря работе зеркальных нейронов – клеток головного мозга, реагирующих на внешние и внутренние действия другого человека, вплоть до ощущений и эмоций, как бы отражая (отзеркаливая) их [10, с. 636].

Во-вторых, зачастую человек нуждается в эмоциональной разрядке. В трудах О. А. Сухаревой находим цитату: «Наши сунниты ходили на их ашури, чтобы поплакать и тем облегчить свое сердце» [5, с. 162]. Это еще одна из интересных психологических проблем, которой занимаются исследователи прошлого и настоящего. Как утверждает О. Ю. Данилова, положительной и отрицательной эмоциям необходим «вегетативный выход», примером чему могут являться слезы. «Эмоции, не нашедшие вегетативного проявления, повышают риск возникновения эмоциональных проблем и психосоматических заболеваний» [13, с. 5]. Результаты психологических исследований свидетельствуют о том, что «большинство респондентов сообщают о повышении настроения после очередного приступа плача. Плач оказывал успокаивающее воздействие на человека»². М. М. Позднев анализирует учение Аристотеля о катарсисе, касающееся психологического эффекта драмы и ее социального значения, где указывается, что «путем страха и жалости достигается очищение страстей» [14, с. 767].

Не является ли ритуал драмой? Тем более что, как было сказано ранее, на основе данного события в настоящее время в некоторых мусульманских странах ставятся театрализованные действия. Еще со времен Аристотеля считалось, что драма оказывает на зрителей предельное психическое воздействие, прояв-

---

² Психология слез. Режим доступа: <https://licuala.livejournal.com/294407.html> [Дата обращения: 9.06.2018].

ляющееся в «симметрии чувств». «Цель драмы – спровоцировать страх, побудить к сопереживанию, нарушить равновесие психики, довести до крайнего напряжения чувств, т.е. привести к катарсису, который освобождает от аффектов и стабилизирует психику в целом, облегчает скованную усталостью душу сильным движением эмоций» [14, с. 767]. М. М. Позднеевым систематизированы различные определения понятия «катарсис». В нашем случае особый интерес вызывает идеалистическая концепция катарсиса, тем более что «термин изначально связан с религиозным культом и с понятием культовой чистоты. Задача культового катарсиса – отделить область профанного от области священного и тем самым подготовить встречу со священным. Поскольку область священного понималась как область божественной жизни, как высшая реальность, религиозный смысл катарсиса состоял в подготовке к вступлению в сферу высшего бытия»³. Приведем некоторые цитаты из исследования М. М. Позднева: «Катарсис – это изъятия из души низколичностного, способ приобщения зрителя к общечеловеческому началу» (Эд. Мюллер); «Катарсис – это религиозное очищение» (Г. Мюррей, В. И. Иванов, Ж. Круассан); «Переживание катарсиса приближает к Богу» (Прокл). Из вышеизложенного следует, что как выполнение ритуала ашура, так и его «свидетельствование» способствует вызыванию катарсиса у каждой из рассматриваемых групп людей. Катарсис приводит к гармонизации чувств, к состоянию некоего внутреннего облегчения, а в случае с первой группой непосредственных участников ритуального действия – к ощущению не только сопричастности и перепроживанию значимых исторических событий, но и приближения к Богу.

В-третьих, в результате нагнетания эмоционального фона участники ритуальных практик и просто наблюдатели зачастую переживают состояние ритуального экстаза, напоминающее, по мнению И. А. Зражевской, гипнотический транс, стирающий грань между участником ритуала и религиозным действием, «полностью самоотжествляясь, гипнотически воплощаясь в нем» [15]. С точки зрения психофизиологии в подобном состоянии левое полушарие, отвечающее за логическое мышление, частично отключается, и наблюдается правополушарная психическая активность, «что напоминает измененное состояние сознания» [16, с. 173]. Поэтому некоторые исследователи характеризуют ритуальный транс как «истерический припадок, проявляющийся в гиперактивном поведении» [17, с. 7]. Исследователей трансовых состояний, наблюдаемых во время ритуальных практик, интересует вопрос, действительно ли человек находится в трансовом состоянии, «реален ли, подлинен, искренен ли транс, или он симулируется искусственно?» По мнению Р. Н. Амайона, в некоторых случаях «притворный транс» может стать действенным, точно так же, как «истинный транс» не всегда приводит к ожидаемым результатам [17, с. 8].

³ Единый центр дистанционного образования АКЕСО. Религиоведение. Теория религии. Режим доступа: http://www.pavluhenkov.ru/teoria_religii/katarsis/index.html [Дата обращения: 8.06.2018].

Таким образом, сознательно или неосознанно, как участники, так и свидетели траурной процессии ритуала ашура в той или иной степени погружаются в особое состояние сознания, подобное гипнотическому трансу, характеризующееся доминированием работы правого полушария, что приводит к иррациональным формам поведения.

В-четвертых, причина душевного подъема и иррационального поведения участников и свидетелей ритуала ашура заключается также в актуализации чувства самоидентификации каждого как единого целого за счет массовости зрелища. С точки зрения Р. Н. Амайона, состояние транса обусловлено двумя составляющими – психофизиологическим и культурным. В случае ритуала ашура наблюдается и то и другое. Помимо прочего, суть ашура заключается также в консолидации общины, становясь маркером культурной и религиозной идентичности. Подобное состояние Д. Ш. Муфтахутдинова назвала «чувством благодного единения и душевного подъема» [18, с. 186]. Это так называемое «загадочное эмпатическое взаимодействие в условиях аутогипногенного состояния участников ритуала» [16, с. 173], метафизическое чувство единения верующих. С точки зрения С. А. Панина и М. А. Пошибайлова, любой ритуал, повторяющийся из поколения в поколение, воспроизводит состояние сознания, переживаемое предшественниками данного учения [11, с. 245], содействуя интеграции прошлых и будущих поколений, что обеспечивает культивирование чувства сопричастности членов общины посредством ощущения мистического единения.

Выводы

Таким образом, рассмотрев ритуал шахсей-вахсей в теолого-эмоционально-психологическом ключе, мы определили, что основанием иррационального поведения как участников, так и свидетелей ритуала является возникновение аффективной (эмоциональной) эмпатии, причиной которой являются:

- 1) результат работы зеркальных нейронов;
- 2) необходимость эмоциональной разрядки;
- 3) естественное или искусственное вхождение в трансовое гипнотическое состояние посредством участия или наблюдения массовых экстатических ритуальных действий;
- 4) актуализация чувства культурной и религиозной самоидентификации и его трансформация в метафизическое чувство благодного единения.

В ходе проведения анализа психологического состояния трех категорий людей – глубоко осознающих смысл ритуальных действий, выполняющих ритуал формально, случайных свидетелей – нами зафиксировано проявление двухуровневой эмпатии:

- 1) эмпатия в прямом смысле слова, когда ее объект находится непосредственно перед глазами эмпата, как в случае со свидетелями ритуальной процессии;

2) эмпатия иного рода, названная нами эмпатией глубинного религиозного мировосприятия, когда объектом эмпатии является объект, находящийся в глубинах религиозного мировосприятия (в случае с непосредственными участниками ритуала).

Литература

1. Али-заде А. А. *Исламский энциклопедический словарь*. М.: Ансар; 2007.
2. Гусенова Д. А. Мусульманский религиозный календарь в зеркале развития событийного туризма. *Россия и мусульманский мир*. 2016;(1):126–139.
3. Капустина Е., Солоненко М. Шахсей-вахсей в Дербенте: традиция ашуры в начале XXI века. В: Карпов Ю. Ю., Стасевич И. В. (ред.) *Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология: 2006–2007*. СПб.: Кунсткамера; 2007. С. 105–109. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-150-3/978-5-88431-150-3_28.pdf [Дата обращения: 9.06.2018]
4. Джумаев А. Б. Традиция ашуры у иранцев Бухары: источники и историко-культурный контекст. *PaxIslamica*. 2010;(2):114–136.
5. Сухарева О. А. *Бухара. XIX – начало XX в. (позднефеодальный город и его население)*. М.: Наука; 1966.
6. Спивак Д. Л., Венкова А. В., Степанов М. А. Приветствие участникам Международной научно-практической конференции «Дербент – город трех религий». В: Сеидова Г. Н. (ред.) *Дербент – город трех религий: доклады и сообщения Международной научно-практической конференции, Дербент, 25 марта 2015 г. Махачкала: АЛЕФ; 2015. С. 10–15.*
7. Сеидова Г. Н. Шиитская община Дагестана как пример позитивного мусульманско-христианского диалога. В: Спивак Д. Л., Шенкман С. (ред.) *Мировые религии в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания. Христианство и ислам в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания в Российской Федерации и Восточной Европе, в Центральной Азии и на Кавказе*. СПб.: Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии / Русско-Балтийский информационный центр «Блиц»; 2011. С. 128–138.
8. Васильева В. О. VI Международный кинофестиваль аудиовизуальной антропологии «Дни этнографического кино», 27 сентября – 2 октября 2016 г., Москва. *Антропологический форум*. 2017;(33):191–208. Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/033/vasileva.pdf> [Дата обращения: 9.06.2018].
9. Сеидова Г. Н. Сценическое искусство в традициях шиитского ислама в Дербенте. *Вопросы культурологии*. 2010;(9):35–38.
10. Седанкина Т. Е. Теолого-психологическое осмысление феномена эмпатии. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(3):635–648. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-3-635-648](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-635-648).
11. Панин С. А., Пошибайлов М. А. Эмпатия и измененные состояния сознания. В: Пахомов С. В. (ред.) *Психотехники и измененные состояния сознания: материалы Третьей международной конференции, Санкт-Петербург, 19–21 марта 2015 г.* СПб.: Изд-во РХГФ; 2016. С. 243–252.
12. Риццолатти Дж., Синигалья К. *Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания*. М.: Языки славянских культур; 2012.

13. Данилова О. Ю. *Психологические условия формирования эмоционального благополучия личности*: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск; 2007. Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/psikhologicheskie-usloviya-formirovaniya-emotsionalnogo-blagopoluchiya-lichnosti> [Дата обращения: 9.06.2018]
14. Позднев М. М. *Учение Аристотеля о катарсисе: истоки и рецепция*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.; 2010.
15. Зражевская И. А. Формирование критериев дифференциации психических расстройств, содержащих религиозно-мистические переживания. *Медицина и образование в Сибири*. 2008;(4). Режим доступа: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=296 [Дата обращения: 8.06.2018].
16. Воронкина М. А. Психологические критерии для систематизации религиозной практики. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008;(75):166–185.
17. Амайон Р. Н. Покончить с терминами «Транс» и «Экстаз» в исследованиях шаманизма. *Этнографическое обозрение*. 2007;(1):6–18.
18. Муфтахутдинова Д. Ш. Песни социального протеста Поволжских татар конца XIX – начала XX в. В: Сенюшкина Т. А., Баранов А. В. (ред.) *Этничность, религия и политика*. Симферополь: ИТ «АРИАЛ»; 2015. С. 185–187.

References

1. Ali-zade A. A. *Islamic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Ansar; 2007. (In Russ.)
2. Gusenova D. A. Muslim religious calendar in the mirror of the development of event tourism. *Russia and the Moslem World*. 2016;(1):126–139. (In Russ.)
3. Kapustina E., Solonenko M Shahsey-vahsey in Derbent: the Ashura tradition at the beginning of the XXI century. In: Karpov Yu. Yu., Stasevich I. V. (eds) *Lavrovsky collection. Materials of the Central Asian studies. Ethnology, history, archeology, cultural studies: 2006–2007*. St Petersburg: Kunstkamera; 2007. Pp. 105–109. Available at: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-150-3/978-5-88431-150-3_28.pdf [Accessed: 9.06.2018]. (In Russ.)
4. Dzhumaev A. B. Tradition of ashuro among the Iranians of Bukhara: sources and historical and cultural context. *PaxIslamica*. 2010;(2):114–136. (In Russ.)
5. Sukhareva O. A. *Bukhara XIX – early XX century (late feudal city and its population)*. Moscow: Nauka; 1966. (In Russ.)
6. Spivak D. L., Venkova A. V., Stepanov M. A. Greetings to the participants of the International Scientific and Practical Conference “Derbent – a city of three religions”. In: Seidova G. N. (ed.) *Derbent – a city of three religions: International Scientific and Practical Conference, Derbent, 2015, 25 March*. Makhachkala: ALEF; 2015. Pp. 10–15. (In Russ.)
7. Seidova G. N. The Shiite community of Dagestan as an example of a positive Muslim-Christian dialogue. In: Spivak D. L., Shenkman S. (eds) *World religions in the context of modern culture: New perspectives of dialogue and mutual understanding. Christianity and Islam in the context of modern culture: New perspectives of dialogue and mutual understanding in the Russian Federation and Eastern Europe, in Central Asia and in the Caucasus*. St Petersburg: St. Petersburg Branch of the Russian Institute for Cultural Research / Russian-Baltic Information Center “Blits”; 2011. Pp. 128–138. (In Russ.)
8. Vasileva V. The 6th International audiovisual anthropology film festival “Days of ethnographic cinema”, September 27 – October 2, 2016, Moscow. *Antropologicheskij forum*.

2017;(33):191–208. Available at: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/033/vasileva.pdf> [Accessed: 9.06.2018]. (In Russ.)

9. Seidova G. N. Stage art in the tradition of Shiite Islam in Derbent. *Voprosy kulturologii*. 2010;(9):35–38. (In Russ.)

10. Sedankina T. E. Theological and psychological understanding of the phenomenon empathy. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(3):635–648. (In Russ.) DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-3-635-648](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-635-648).

11. Panin S. A., Poshibailov M. A. Empathy and altered states of consciousness. In: Pakhomov S. V. (ed.) *Psychotechnics and altered states of consciousness. Materials of the Third International Conference, St Petersburg, 2015, 19–21 March*. St Petersburg: RKhGF; 2016. Pp. 243–252. (In Russ.)

12. Rizzolatti G., Sinigaglia C. *Mirrors in the brain – how our minds share actions and emotions*. Oxford University Press; 2008.

13. Danilova O. Yu. *Psychological conditions of formation of emotional well-being of the individual*. PhD (Psychol.). Novosibirsk; 2007. Available at: <http://www.dissercat.com/content/psikhologicheskie-usloviya-formirovaniya-emotsionalnogo-blagopoluchiya-lichnosti> [Accessed: 9.06.2018]. (In Russ.)

14. Pozdnev M. M. *Aristotle's teachings about catharsis: origins and reception*. Theses PhD (Philol.). St Petersburg; 2010. (In Russ.)

15. Zragevskaya I. A. Differentiation of psychiatric disorders with religious and mystic feeling. *Medicine and Education in Siberia*. 2008;(4). Available at: http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=296 [Accessed: 8.06.2018]. (In Russ.)

16. Voronkina M. A. The psychological criteria for religious practice systematization. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 2008;(75):166–185. (In Russ.)

17. Hamayon R. N. Do away with the terms “Trans” and “Ecstasy” in the research of shamanism. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2007;(1):6–18. (In Russ.)

18. Muftakhutdinova D. Sh. Songs of social protest of the Volga Tatars of the late 19th – early 20th century. In: Senyushkina T. A., Baranov A. V. (eds) *Ethnicity, religion and politics*. Simferopol: ARIAL; 2015. Pp. 185–187. (In Russ.)

Информация об авторе

Седанкина Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой исламской теологии, Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация.

Information about the author

Tatyana E. Sedankina, Ph. D (Pedag.), associate professor, head of Department of Islamic Theology, Russian Islamic Institute, Kazan, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21 января 2019 г.
Одобрена рецензентами: 12 мая 2019 г.
Принята к публикации: 26 мая 2019 г.

Article info

Received: January 21, 2019
Reviewed: May 12, 2019
Accepted: May 26, 2019